

Вчера Гарри беспокоился, что не сможет нормально спать после всего, что произошло. Но после того, как он провел время с Алистером, его беспокойство оказалось беспочвенным. Прежде чем заснуть, он уделит время тому, чтобы разобраться с посторонними воспоминаниями, ожидая их правильной обработки.

Однако ему потребовалось бы время, чтобы осмыслить вчерашние события. А именно: подарок Алистера и его непреднамеренный ответный подарок. Для него эти шоколадные конфеты были особенными, и даже если бы он мог вернуться и купить еще, он бы смаковал эти, только из-за их значения. Но даже когда он закончит, он будет хранить пакет и записку в нем. Однако он не собирался никому об этом рассказывать.

И потом, кровь Гарри. Она может это сделать? Когда он думал, что все магические знания уже у него под рукой, Алистер, слегка изменившийся в сторону человечности, доказал, что он ошибался, причем не в одном смысле. Глядя на него, он никогда бы не подумал, что у этого человека есть проблемы с его личностью, например, что его природа не соответствует таким ярким эмоциям. Но теперь это было так. Вампир или нет, сейчас и до этого Алистер обладал очень многим из того, что значит быть человеком.

Глубоко задумавшись, Гарри ухмыльнулся. Мерлин, эта улыбка. В его сознании она была самой прекрасной на свете, а ведь он уже видел единорогов.

Дежавю настигло его в виде воды, брызнувшей на лицо. Зашипев и с силой вернувшись в настоящее, Гарри уставился на Джинни.

Ничуть не пострадав, она ловко взмахнула своей палочкой. "В следующий раз я буду левитировать и сброшу тебя в озеро", - со знанием дела уставилась она на него. "Ты думаешь о профессоре Лотаре".

"Отчасти", - признал Гарри, не видя смысла отрицать это.

Рассказав Ремусу о том, что произошло в Министерстве, он созвал друзей в Луналенд, чтобы обсудить это, а также крестражи.

К его отвращению, тот, что был внутри Гарри, оказался не единственным, их было больше. И лишь смутное представление о том, сколько их ещё, где и что они находятся, погружало Волдеморта в детские воспоминания, а также интригующий факт.

По задумке Дамблдора, Волдеморт мог истощать магию своих последователей, если его собственные запасы были невелики, используя Знак Пожирателя Смерти.

В последнее время ему попадались скудные воспоминания Пожирателей смерти, и тот, кто прошел мимо него в подземной камере, и тот, кто стоял на коленях перед Волдемортом, были одним и тем же. Его звали Мэтью Белл, и, как можно было надеяться, он не поддерживал никаких отношений с Кэти. С тех пор как Волдеморт пришел к власти, он, как и профессор Снейп, был двойным шпионом. Вот только Дамблдор об этом не знал. Действительно, оставалось загадкой, как он до сих пор жив, если оба могли лишиться его магии.

За это время он также проанализировал воспоминания Фоукса. Действуя аналогично метке Гильдии Света, он отличался от нее тем, что связь углублялась с каждым годом. Когда-то намерения Дамблдора были верны, и именно тогда образовалась связь. Но потом все изменилось, причем так незаметно, что даже его мягкие подталкивания к лучшему пути не помогли. Но в тот момент, когда он пришел к мысли разорвать эту связь, он не смог этого сделать.

Гарри нужно было узнать больше. Такая важная информация не должна была быть в голове у этого человека, иначе Алистер и Соломон обязательно бы с ней столкнулись. Значит, в его кабинете находилось пенсиво. Он заслуживал свободы с тем, кто будет хорошо к нему относиться. Он готов рискнуть ради того, кто не сделал ничего плохого, и того, кто спас ему жизнь.

Отбросив эти мысли, он упорно игнорировал ухмылку Джинни, а Полумна, тихонько напевая, мастерила цветочную корону. К удивлению Гарри, Гермиона не читала, а увлекла Невилла разговором.

Это тоже напомнило ему о том, что было. Как только Рон перестанет быть префектом, а это должно было случиться, Гарри порекомендует Невилла профессору МакГонагалл, если тот захочет занять эту должность. С первого курса он прошел долгий путь, и то, что он сделал сейчас, вдохновляло студентов, занимающих такую же должность.

Перед тем как поделиться информацией, они устроили своеобразный пикник с бутербродами и напитками. Он хотел, чтобы все расслабились, прежде чем переходить к более глубоким темам.

Гарри тихонько выдохнул. "Итак, сначала вы хотите услышать хорошие или плохие новости?"

"Плохие, тогда хорошие смогут смягчить удар", - мгновенно ответила Джинни, встреченная кивками согласия. Полумна, сидевшая слева от него, повернулась к нему, держа в руке готовую

корону. Мягко взмахнув палочкой, она изменила ее, цветы остались в своем естественном виде, но стали какими-то неземными.

"Для тебя!" Счастливо улыбаясь, она протянула ему цветочную корону, и ему даже в голову не пришло отказаться. Опустив голову, он надел корону на макушку, и она идеально подошла.

Хотя он не считал, что цветы ему идут, он оценил подарок и с гордостью носил его. По крайней мере, так гордо, как только может выглядеть человек, носящий цветочную корону.

"Ты выглядишь прекрасно", - констатировала Полумна, наклонив голову.

"Спасибо", - в конце концов выдавил он из себя, чувствуя себя не в своей тарелке, но оценив комплимент. Прилагательное "симпатичный" не ассоциировалось у него с другими людьми, но Полумна никогда не следовала таким правилам. Это ему нравилось, и он никогда не изменит этого.

"Итак, плохие новости". Он начал с самого начала. "Кто-нибудь из вас заметил что-то странное возле нашей общей комнаты?" спросил Гарри, глядя на своих товарищей-гриффиндорцев.

Невилл покачал головой. "Я вернулся только вечером, а к тому времени все уже были в общей комнате".

Обменявшись взглядами, Гермиона и Джинни несколько секунд бормотали между собой, а затем снова повернулись к Гарри. "Мы пошли за Роном, но он повернул за портрет и передумал, поэтому мы пошли за ним, но не стали заходить внутрь", - сказала Гермиона.

Хотя теперь Гарри всё понял, слова Гермионы стали ещё одним подтверждением. "На раме портрета Толстой дамы стояло заклятие, чтобы убедиться, что только я могу войти. Когда я вошел..."

Остановившись, он с некоторым трудом собрался с мыслями. "Я нашел Хедвиг. Она была привязана к веревке ногами к потолку, а к ее груди была приколотая записка с надписью "Месть". Я отнес ее к Хагриду, а там пришлось позвать профессора Снейпа, потому что ее накормили Драгом живой смерти. Он работает над противоядием, но я пока не знаю, поправится ли она".

После этого он рассказал им о расследовании, проведенном Алистером и профессором МакГонагалл, о том, кто это сделал, и о последующей поездке в Министерство. Заинтересовавшись, Гермиона, естественно, попросила рассказать подробности о заклинании, и, потакая ей, он это сделал.

Хотя он и упомянул Лорелею и ее воспоминания, подробности он оставил в тайне. Она никогда не хотела, чтобы он их видел, и, хотя он доверял своим друзьям, подробности были не нужны. С Алистером он общался только для того, чтобы разгрузить и упорядочить свои мысли, поскольку без этого переход к медитации мог бы не сработать.

Закончив, он оставил их в ошеломленном молчании, и никто из них не знал, что сказать.

Тишину нарушила Гермиона, потрясенная. "Я удивлена, что они позволили тебе решать, что с ней делать. Часто они бездумно идут напролом".

Например, изменили время его испытания, не уведомив его. "Это правда. Они сказали, что свяжутся с вами, когда все узнают. Я до сих пор не знаю, что мне с ней делать".

Джинни сузила глаза, на ее лице появилось свирепое выражение. "Она все еще стерва. Даже если бы она хотела отомстить, для этого есть другие способы".

Гарри согласился. Он бы предпочел разобраться с ней лично, как с человеком, способным дать отпор, а не с беззащитной совой.

Невилл торжественно обдумал все, что сказал Гарри. "Я согласен с Джинни, хотя я бы так не сформулировал". Он послал ей забавную улыбку, на что она ответила своей, небрежно пожав плечами. "Но люди, которым больше не за что бороться и которые почти всю жизнь сосредоточены на чем-то одном, не могут видеть дальше. Посмотрите на Волан-де-Морта. Его целью была власть, и что из этого вышло?"

Если Дамблдор в чём-то и был прав, так это в том, что призывал Гарри называть его по имени, которое он сам себе дал, или настоящим именем. Если раньше это было табу, то теперь уже нет. Когда Гарри был младше, он боялся, но теперь ему было не до этого. И видеть, как Невилл осторожно идёт по его стопам, было очень приятно.

Понимание того, к чему они пришли, навело его на одну из предыдущих мыслей. "Я не знаю, кто представляет большую угрозу - Дамблдор или Волдеморт".

"Здесь нет правой стороны. Когда-то я бы без сомнений встал на сторону Дамблдора, но теперь уже нет". Гермиона сделала нерешительную паузу. "Я не могу не думать о том, что Волдеморт - это нечто большее, чего мы не знаем. Все, что у нас есть, - это слова Дамблдора".

И снова проницательность Гермионы оказалась очень точной. Следующее известие было значительно хуже. "Когда-нибудь мы сможем это узнать. Но это не относится к тому, что я собираюсь сказать. Кто-нибудь из вас знает, что такое крестражи?"

Он не ожидал, что кто-то из них знает, - он знал только себя через Танатоса. Но последний, от кого он этого ожидал, знал.

"Фрагменты души".

Гарри необычайно торжественным голосом повернулся к Полумне, потрясенный. "Ты знаешь, что это такое?"

Полумна кивнула. "Брио рассказал мне. Если ты кого-то убиваешь, твоя душа и человечность разрушаются".

Ее учили этому, а также тому, как распознать человека со сломанной душой. Если человек раскаивался, его можно было снова исцелить. Так что, хотя уроки не всегда были воспитательными, они помогали понять себя и других людей.

Избавившись от необходимости объяснять, он подтвердил это, записав как еще одну неожиданную особенность Полумны.

Соединив все точки, Гермиона поняла, что её осенило. "Это сделал Волдеморт", - уверенно заявила она.

Джинни затаила дыхание и резко побледнела.

"Джинни?" Гарри забеспокоился, а Полумна нахмурилась, да так незаметно, что никто не заметил.

"Дневник, должно быть, был один. Не может быть, чтобы он был нормальным и обладал мной таким образом. Мы знали, что это темная магия, но не знали, какая именно".

В голове Гарри пронеслись мысли о возможных вариантах. "Думаю, ты права, но теперь она исчезла".

Когда Полумна тихонько покачала головой, у Гарри появилось плохое предчувствие.

Ее глаза встретились с глазами Джинни. "Ушло совсем немного". Ее голос был мягким и печальным.

Полумна уже много лет знала, что что-то не так, и на первом курсе это началось. И хотя все утверждали, что все кончено, она все еще чувствовала какую-то порчу, но не знала, как это исправить. Мало того, если бы она пошла на поводу у своих чувств, то напугала бы единственного друга.

Но теперь у неё были знания и уверенность в том, что с этим можно что-то сделать, что и было сделано после того, как Джинни упомянула дневник.

Пока она объясняла свои мысли, Гарри смотрел на Джинни, которая выглядела так, будто ей с минуты на минуту станет плохо.

"Часть Волдеморта осталась во мне в ту ночь, когда на меня напали. За лето мне удалось случайно избавиться от нее, и Танатос рассказал мне о крестражах. Все негативное ушло от него в виде какого-то черного, чернильного вещества. У меня остался парселтанг и некоторые воспоминания Волдеморта, с которыми я разобрался только недавно".

Гарри остановился и перевел взгляд на Полумну. "Думаешь, ты сможешь ей помочь?"

Полумна с тихой, спокойной решимостью в глазах тихо кивнула в ответ на вопрос Гарри. Проведя большим пальцем по браслету, который она носила, появился Нежный шепот. Встав, она переместилась со стороны Гарри, чтобы сесть прямо перед Джинни.

"Могу я помочь?" успокаивающе спросила Полумна.

Джинни сразу же кивнула, ее цвет лица ухудшился. "Если можешь, пожалуйста. Я хочу, чтобы это закончилось".

Она сжала кулаки в траве, и Гермиона в знак поддержки положила свою руку на один из них. "Полумна может помочь, я знаю. Когда это я ошибалась?" - поддразнила она, и Джинни слабо улыбнулась в ответ.

Протянув вторую руку Джинни, Полумна взяла ее, чтобы обхватить Нежный шепот и положить свою руку поверх верхней. Хотя раньше она не пробовала, она вспоминала время, проведенное с Брио, и пыталась повторить все, что чувствовала тогда.

Она не говорила вслух, закрыв глаза и работая с магией. Слышны были лишь журчание воды, звон ветряных колокольчиков и шелест травы, обдуваемой легким ветерком.

Пожалуйста, помогите моему другу!

В то время как ее просьба осталась не услышанной людьми, магия услышала ее отчетливо. Под заинтересованным взглядом Гарри руки Полумны засветились серебром, окутывая Джинни своей нежностью. Впитываясь в ее кожу, странный черный туман вырывался наружу, словно в обмен.

Джинни удивилась, что не почувствовала боли, но ощутила разницу. Невидимое давление ослабло, тело словно очистилось.

Голубые глаза Полумны с раскаянием смотрели на неё. "Мне жаль, но я не могу забрать его воспоминания, если они есть".

Джинни открыла глаза, неосознанно закрыв их. "Если я могу получить к ним доступ, значит, это что-то, что мы можем использовать, верно? Гарри был на ее месте, так что если у нее и были воспоминания, то его поддержка была обеспечена.

Джинни улыбнулась Полумне и коротко обняла ее, почувствовав облегчение от того, что освободилась от чего-то, о чем даже не подозревала. "Спасибо".

Он посмотрел на нее и увидел, что с Джинни все в порядке, но это лишь подтвердило, что без Полумны они пропадут. "Я помню, что такое магия, так что это преимущество. Полумна, ты

тоже можешь?"

Когда Нежный шепот снова вернулся в свое обычное состояние, Полумна поклялась себе. "Я чувствую, что вся магия, все залы и территория покрыты недобрыми намерениями. Я не знаю, как его удалить, но я найду способ".

Гарри сочувственно поморщился. "Хотя этот год был огромным показателем, Румблхор не так уж и легок, как он о себе заявляет".

Невилл поперхнулся своим напитком, смех перешел в болезненное ворчание, когда Джинни хлопнула его по спине.

Почувствовав облегчение от того, что с плохими новостями покончено, Гарри объяснил, какие воспоминания он видел от крестража, который когда-то был внутри него.

Гермиона делала заметки, заноса в них информацию, чтобы потом просмотреть. Хотя у неё была отличная память, ей и остальным было бы полезно иметь физический справочник.

"Я не думал, что смогу ненавидеть кого-то так сильно, как Беллатрикс, но оказалось, что я ошибался", - проговорил Невилл, его голос был низким и угрожающим. "Во многом в этом виноват директор, он приложил руку к созданию Пожирателя смерти. Черт возьми, Волдеморт хотя бы не пытается скрыть свои намерения, а вот предполагаемый лидер света делает это до такой степени, что я уже не уверен, что это правда".

Невилл подвел итог еще одной постоянной проблеме. Старый ублюдок был до смешного хорошим лжецом, и хотя Гарри по природе своей был недоверчив, даже он однажды поддался на его слова. У него не было примеров для подражания, и, к сожалению, в те времена он легко поддавался манипуляциям.

Джинни устало посмотрела на Гарри. "Хорошие новости?"

"Да, хорошие новости. Ну, - поправил его Гарри. "Это нечто интересное и удивительное, собранное в одно целое, но я клянусь, я не обманываю".

"Джинни пробормотала, ее цвет лица постепенно улучшался, и она слегка улыбнулась.

Гарри просто взял и сказал это. Он никак не мог сказать нечто подобное и при этом не звучать так, будто ему нужна комната в Сент-Мунгосе. "Верно. Когда Соломон пил из меня, Алистер залечил рану. Я разговаривал с ним вчера, и когда положил руку ему на грудь, он изменился, у него появилось сердцебиение и тепло на коже. Он думает, что это потому, что мои мысли о помощи в тот момент не были конкретными, и это исполнило его желание."

"...Ты нас обманываешь", - ответила Джинни, недоверчиво глядя на него.

Гарри быстро покачал головой. "Нет, обещаю. Вы можете спросить его".

"Ни хрена себе", - вздохнула Джинни. Затем она пристально посмотрела на него.

Он почувствовал себя неловко, но должен был догадаться, что она уловит одну особенность в его словах.

"Ладно, давай отступим немного назад. Почему вы положили руку ему на грудь? Ты... что-то задумала?" спросила Джинни, ухмыляясь.

"Нет!" - запротестовал он, отводя взгляд. "Я хотел что-то сказать. Я сказал ему, что для меня не имеет значения, что у него нет сердцебиения, оно все равно есть и существует. Он может чувствовать так же сильно, как и мы".

И тут выражение лица Джинни странным образом изменилось на то, которое он помнил на ее первом курсе. "Гарри! Это... Оу".

К его смятению, у Полумны и Гермионы было похожее выражение глаз. Прижавшись друг к другу, он не мог разобрать их слов, они хихикали.

Посмотрев на Невилла в поисках помощи, он лишь пожал плечами. "Не смотри на меня, приятель, я в таком же замешательстве".

Решив поразмыслить над этим позже, девушки в основном вернулись к нормальной жизни. Глаза Гермионы стали на тон светлее, она была очарована. "Потрясающе. Подумать только, твоя кровь и одно желание могут сотворить чудо".

"Я знаю", - Гарри почесал голову. "Не думаю, что я скоро с этим смирюсь". После этих слов в голову пришла другая мысль. "Теперь будет проще создать впечатление, что он человек. Раньше ему приходилось использовать согревающие чары на руках".

"Это замечательно, но как же мадам Помфри?" спросил Невилл.

Гарри об этом не подумал. "Да, хорошая мысль. Его сердцебиение медленнее, чем у меня, и температура его кожи тоже ниже, так что она поймет, что что-то случилось".

Оторвавшись от своих мыслей, Гермиона предложила решение. "Невозможно постоянно иметь нормальную температуру тела, и если она немного ниже, это не проблема. Даже летом в Хогвартсе немного прохладно, так что я не думаю, что у него возникнут подозрения".

Гарри согласился с этим мнением. "А как же его пульс?"

"Если понадобится, он всегда может заявить, что у него больное сердце. У одной моей родственницы брадикардия, то есть сердцебиение замедленное. Но раньше она была спортсменкой и даже сейчас продолжает тренироваться, когда находит время, так что для нее это нормально".

Гарри выдохнул, впечатленный. Он обязательно расскажет об этом Алистеру, и ему будет полезно узнать, если он еще не знал.

"Это великолепно, спасибо, Миона".

Гарри засиял в ответ, по крайней мере, он знал, какое прозвище ей нравится.

"Как он отреагировал?" спросила Полумна, сверкнув глазами. "Я очень рада за него".

Ее слова вернули Гарри к воспоминаниям, и его взгляд затуманился. "Я никогда не видела его таким счастливым, искренним. Он часто улыбается, но в тот момент это было просто... потрясающе".

Он почти снова погрузился в свои мысли, но его прервала внезапная вспышка Джинни.

"Вот оно!"

"Что именно?" - настороженно посмотрел он на Джинни, понимая, что выражение ее лица напоминает выражение лиц Фреда и Джорджа, которые собираются устроить розыгрыш грандиозных масштабов.

"Вот почему у тебя раньше было выражение полного идиота, это точно из-за профессора Лотара, и все из-за его лихой улыбки".

Она драматично захлопала глазами, издавая звуки поцелуя, пока Гарри слабо протестовал. "Я понятия не имею, о чем ты говоришь".

"Конечно, не имеешь".

Гарри окинул ее взглядом, на что она просто высунула язык.

Невилл покачал головой и снова опустился на траву. "Неужели каждая неделя будет заканчиваться тем, что ты вывалишь несколько бомб?"

"Я уже говорил и скажу снова: я - магнит для неприятностей. Я дала всем достаточно информации для размышления, но вы, ребята, можете идти и переваривать все это".

Джинни ушла первой, надеясь, что все воспоминания, которые у нее остались, были не слишком плохими.

После того как Невилл попрощался с ней, он тоже ушел, идя рядом с Полумной и завязав разговор об одном из многочисленных существ, которые, по ее мнению, существовали.

Гермиона как раз собирала свои записи, когда к ней подошел Гарри.

"Есть минутка?"

Она кивнула, серьезно глядя на него. "Конечно".

Одарив ее самой большой ухмылкой, он потянулся в карман с временными охлаждающими чарами, пока не сможет их надежно спрятать. Взяв ее руку в свою, он протянул ее ладонью вверх, положив на нее одну из шоколадных конфет в обертке, которую он получил от Алистера.

У нее перехватило дыхание, когда она посмотрела на ладонь, а потом обратно. На ее лице появилась улыбка лучшего друга, которую она не видела уже много лет, с тех пор как он попробовал тот самый шоколад, который лежал у нее на ладони. Этого было достаточно, чтобы чуть не довести ее до слез, чтобы вновь стать свидетелем этого редкого момента.

"А профессор Лотарь?..." Она запнулась, понимая, что ответ очевиден, но ничего не могла с собой поделать. Она должна была догадаться, что он отреагирует на ее ответ, но не ожидала, что так скоро.

В качестве ответа он достал из кармана пакет и показал Гермионе вложенную в него маленькую записку. Когда она прочитала содержание послания, уголки ее губ скривила теплая, искренняя улыбка. "Это было мило с его стороны. Мне было интересно, есть ли у него какая-то особая причина, но ведь это было сделано, чтобы поднять тебе настроение, не так ли?"

"Да. И очень сильно. Давно не было такого, чтобы что-то простое делало меня такой счастливой, какой я себя чувствую сейчас".

Когда она попыталась вернуть ему одну шоколадку, он молча покачал головой. "Это для тебя, оставь себе".

Пообещав себе насладиться этим лакомством так же, как и Гарри, она молча поблагодарила профессора за поддержку.

А Гарри смотрел на нее с такой благодарностью, хотя это слово едва ли было сказано. Между Гермионой и Алистером он наполовину боялся, что у него заболят щеки от такой улыбки. Наконец он перестал бояться отказа и впервые за все время общения с ней начал ее обнимать.

Положив подбородок ей на плечо, он обхватил ее руками и крепко сжал. "Спасибо, Миона, ты лучший друг, о котором я только мог мечтать".

Она не выдержала и фыркнула. "Я тоже. Без тебя я бы никогда не зашла так далеко".

Хотя дружеские узы стали еще крепче с тех пор, как трио превратилось в дуэт, общий секрет, о котором не знал ни один из их друзей, еще больше укрепил их. После сегодняшнего дня ничто и никогда не встанет между ними.

Под каким бы углом ни смотрел Лорд Волдеморт на свое отражение, оно оставалось неизменным. Первый случай произошел более двух недель назад, и с тех пор он замкнулся в себе, перебирая каждый дюйм своей Библиотеки в поисках ответа. В отличие от мнения Дамблдора, Риддл-Мэнор не был его основной базой, а лишь средством для достижения цели. Никто не знал, где он сейчас находится. Даже те, кому он редко доверял. У него было подозрение, что именно произошло, чтобы вызвать это, но, опять же, в этом не было никакого смысла.

Его крестражи были целы. Даже отделенный от основной части его души, каждый из них был соединен с ней тонкой нитью, достаточной для того, чтобы понять, что один из них должен быть найден и уничтожен. Ритуалы, которые он проводил, гарантировали, что его облик никогда не вернется. Единственным способом воссоединить их было раскаяние за тех, кого он убил, а ради власти его не было ни капли.

Но если они не были уничтожены, то что же стало причиной этого? Эту загадку Волдеморт пытался разгадать, но безрезультатно.

И вот это случилось ещё раз. Примерно полчаса назад. Его кожа была бледной, но больше не имела нездорового оттенка, волосы были полностью черными, а не имели признаков возраста. Вместо 69-летнего мужчины в его отражении отражался мужчина лет 30. Единственное, что осталось, - это опасный красный блеск его глаз.

Кроме внешности, изменилось не только это. Изменилось и его мышление. Вместо неустанного поиска информации путем пыток и убийств вместе со своими последователями он вернулся к более тонким, слизеринским методам. Никто из остальных пока не видел его нового облика, и он не хотел показываться, пока не выяснит причину. Но при таком раскладе у него может не остаться выбора.

В изоляции от всех у него было время хорошенько подумать. Власть всегда была и остается его целью, еще с тех времен, когда он жил в Сиротском приюте. В тот день, когда его посетил Дамблдор, он увидел способ выбраться из ада и стать достаточно сильным, чтобы отомстить.

После стольких лет воспоминания о том, как Слизнорт делился знаниями о крестражах, казались ему неправильными, но он не мог понять, почему. Слишком молодой и слишком далеко зашедший, чтобы сидеть и размышлять об этом, его превращение открыло другие, альтернативные пути, отличные от давно выбранного.

Хотя его целью было Министерство, что тогда? До сих пор его целью было мировое господство. Но теперь он понял, чего хочет на самом деле.

Убить Альбуса Дамблдора.

Почему он потратил столько времени на пророчество, которого лично никогда не слышал? Хотя он не сомневался в Северусе, это не могло быть полной картиной. Он знал, что Дамблдор не такой уж и безобидный дурак, каким его считали другие.

Как бы ему ни хотелось признать, что у них было одно сходство: готовность манипулировать другими была очевидна, по крайней мере для него. Широкие массы поверили бы только в то, что Дамблдор умело им демонстрировал. Но он не пытался скрыть свои намерения, как это делал Дамблдор, используя марионеток и игру теней.

Когда-то Волдеморт был марионеткой, и в ночь своего возрождения он увидел то же самое в Поттере. Но он не обращал на это внимания, сосредоточившись на том, что этот тощий ребенок станет причиной его падения, всего того, что он строил до этого момента.

Впервые в жизни Волдеморт поверил, что ошибался. Поттер не представлял угрозы, он был втянут в игру Дамблдора так же, как и он сам. Овладев мальчиком, он увидел в его сознании нечто такое, что нашло отклик в его душе.

Теперь нужно было сделать только одно. Другие об этом не узнают, только один. Почему-то Волдеморту казалось, что Поттер догадывается о том, как произошло его превращение. У него больше не было желания убивать его. Нет. Эта честь досталась Дамблдору, тому, кто лишил его свободы из приюта, из которого он каждый год мечтал сбежать, но каждый раз его отправляли обратно.

Глаза холодно сверкнули, метка резко выделялась на фоне бледной кожи. Палочка в руке прижалась к нему. Он не желал сражаться с тем, кого больше не хотел сокрушить.

Следя за зельем Виггенвельда, Северус не считал отсутствие результата неудачей, а лишь вызовом, который нужно преодолеть. Он переспросил у своих коллег - мастеров и мастериц зелий, но никто из них не слышал, чтобы сову кормили Дреном живой смерти. Хотя отсутствие рекомендаций осложняло дело, он справится.

Хотя уход за животными выходил за рамки его компетенции, знания Хагрида были

неоспоримы, и благодаря им Северус лучше представлял себе желаемые результаты.

Он догадывался, почему его целью была сова Поттера, но это был не самый лучший выбор по сравнению с тем, чтобы напасть на него прямо из тени. Он усмехнулся. Не то чтобы это долго сходило им с рук: они знали о способностях Лотара и Минервы к расследованиям, но не интересовались подробностями.

После их перемирия Северус почувствовал себя так, словно что-то улеглось. Он заметил улучшения в своих навыках зельеварения, а может быть, это было всегда, но он слишком запутался в своей слепой ненависти к Джеймсу Поттеру. Без очков умные и живые глаза Лили светились, и сходство с его бывшим заклятым врагом было не таким сильным.

А потом возник вопрос о новом Патронусе Поттера. Неживая лошадь, из всех существ. Этим мальчик действительно искушал судьбу.

И тут впервые за долгое время он почувствовал жгучую боль во всей руке. Эта боль зажгла его нервы, и к ней невозможно было привыкнуть. Зная, что не стоит заставлять его ждать, Северус изгнал содержимое котла, понимая, что партия недопустима, и покинул школу, чтобы аппарировать туда, где бы он ни находился.

Гарри был доволен, когда расставался с Гермионой возле Выручай-комнаты. Хотя за прошедшие годы он сблизился с ней, этот год объединил их, сблизил как никогда раньше.

Недалеко от коридора Гарри заметил Полумну, которая весело напевала, делая очередную цветочную корону. Он знал, что его собственная была из белого жасмина, но красные, переходящие в оранжевые цветы, которые она держала в руках, были незнакомы. Неужели она взяла их с собой? Он не мог припомнить, чтобы видел такие.

Пока она вносила последние штрихи, Гарри задал ей вопрос. "Как они называются?"

Она улыбнулась ему веселой, яркой улыбкой и протянула букет, чтобы он был лучше виден. "Это африканские маргаритки, Невилл мне о них рассказывал".

Гарри уже собирался удовлетворить свое любопытство и спросить, для кого они предназначены, как вдруг его окликнул очень знакомый голос.

Оторвав взгляд от Полумны, Гарри встретился глазами с Алистером, волосы которого в кои-то веки были распущены. Редкий случай, когда он не видел его, прогнал мысль о том, чтобы провести рукой по шелковистой гладкости, и наклонил голову. "Добрый день, профессор".

Гарри заметил, что сегодня аура Алистера была особенно солнечной. Хотя обычно она была такой же, но вчерашние изменения, похоже, способствовали этому.

Поприветствовав их, Алистер ласково сверкнул глазами. Его большой палец нежно провел по ближайшему лепестку жасмина на макушке Гарри. "О Гарри, ты очарователен".

Довольный смех Гарри, потерявшего дар речи, по крайней мере, помог ему успешно побороть поднимающийся румянец.

Теплый взгляд Алистера переместился на Полумну. "Эта корона - ваша работа, мисс Лавгуд?" - наклонил он голову, восхищаясь мастерством исполнения.

"Да, это для вас!"

К недоумению Гарри, Полумна с большим энтузиазмом протянула ему корону. "Почему ты даришь ее мне?"

Сверкнув глазами, она не удержалась и хихикнула. "Это для того, чтобы ты надел ее на него, глупыш!"

"Чтобы я его надел?" повторил Гарри, расширив глаза. Он не видел в этом ничего страшного, но по какой-то причине его охватила странная нервозность.

Конечно, Алистер не возражал, приседая до уровня Гарри с радостно сияющими глазами.

Не то чтобы он собирался отказываться, но с таким взглядом это было невозможно. Он мог признаться, хотя бы самому себе, насколько сильно это выражение испытывает его эмоции.

Взяв в руки корону, Гарри водрузил её себе на голову, и при этом его пальцы коснулись волос, более шелковых, чем он мог себе представить. Сердце пропустило несколько ударов, и он

сделал небольшой шаг назад, а Алистер элегантно поднялся на ноги.

"Вы оба прекрасно выглядите!" Полумна ответила с чрезмерным энтузиазмом, выглядя счастливее, чем он когда-либо видел ее, по правде говоря.

"А как выгляжу я, Гарри?"

На вопрос Алистера Гарри на мгновение застыл, заметив дразнящую улыбку. Из всех слов, которые он знал, в этот момент он не мог вспомнить ни одного, не говоря уже о нескольких, чтобы составить предложение.

"Ты выглядишь...", - он остановился на секунду. Комплимент, комплимент! Он мог думать о них, но почему не вслух?

"Мило", - неубедительно закончил он, поморщившись. Что это был за комплимент? Черт побери!

Хотя он не мог ничего сказать вслух, его мысли бежали со скоростью мили в минуту. "Мерлинов морщинистый мешок, он выглядит великолепно!"

Смех, раздавшийся между ними, напомнил Гарри, что да, Алистер мог слышать его мысли, если они были достаточно заметны.

Я рад узнать твои истинные мысли, ты сделал меня очень счастливым человеком".

Гарри застонал. Когда же я вспомню, что ты можешь слышать меня в такие моменты?

Поцелуй. Я очень хочу, чтобы ответ был "никогда", так как нахожу твое удивленное выражение лица восхитительным".

Однажды я тоже заставлю тебя врасплох".

С остатками смеха в голове Алистер выглядел счастливее, чем прежде, если такое вообще возможно. "Десять баллов Рейвенкло за эту прекрасную цветочную корону".

Глаза Полумны загорелись. "Спасибо, профессор!"

Ее волновали не сами баллы, а то, что за ними скрывалось. Ей нравилось делать подарки, и осознание того, что они кому-то понравились, поднимало ей настроение даже в самые грустные моменты.

"Всегда пожалуйста. Наслаждайтесь остальными выходными!"

Искренне улыбаясь, Алистер продолжил свой путь, но не без нескольких напутственных слов.

О, Гарри? 10 баллов Гриффиндору".

'За что?'

'За то, что ты такой милый'.

Не зная, что ответить, он все же согрелся от этого комплимента. '...Надеюсь, они не ведут письменный учет того, за что были начислены баллы. Но спасибо?

Ответа не последовало, лишь теплое хихиканье.

Дав сердцу время прийти в себя, он взглянул на Полумну. "Ты ждала меня раньше?"

Полумна серьезно кивнула, в ее глазах все еще плескалось волнение. "Ты пойдешь со мной к Уиллоу?"

Смятение на мгновение затуманило разум Гарри, но он быстро сообразил. "Да, я могу это сделать. А что?"

С его словами Полумна вернулась к своей обычной воздушности, но в ее взгляде появилась спокойная решимость. "Вместе с Брио я помогла Айричдейл Вудс больше не страдать. Там было так много войн, а теперь там снова мир. Может быть, я смогу помочь и ей".

Попробовать определенно стоило, и благодаря фейри он знал, что, когда она нападает, это ей не под силу. Если Полумна сможет помочь, то она станет менее опасной как для учеников, так и для себя.

Когда Гарри кивнул, Полумна, не теряя времени, взяла его за руку и пустилась бежать. Он был удивлен ее действиями, в отличие от обычного беззаботного шага, но поскольку это было то, что она сильно переживала, он вряд ли мог винить ее. Он не просил ее остановиться, легко подстраиваясь под ее темп и, к счастью, не встречая никого, кто бы упрекнул их за бег по коридорам.

Оказавшись на улице, Полумна замедлила шаг, и, поскольку погода принесла ледяной ветерок, он из осторожности наложил на нее легкие согревающие чары, получив в ответ благодарную улыбку. Чем ближе они подходили к Уиллоу, тем больше Гарри понимал, что с его собственными глазами что-то не так. Он не видел дерево уже несколько месяцев, и все же оно выглядело значительно более темным и обветшалым. Как будто сам воздух был душным.

Заметив, что светлая кожа Полумны стала чуть бледнее, он остановился рядом с ней. "Это магия?"

Она тихо кивнула, заметно расстроившись. "Ей больно. Я не навещала ее много лет, слишком долго, и мне плохо. Но это изменится".

Ожидая нападения, Гарри держал палочку наготове. Его магическое ядро значительно увеличилось, и он еще не пробовал использовать щитовые чары против чего-то настолько сильного.

Хотя они находились на небольшом расстоянии, однажды, оказавшись в пределах досягаемости, он наложил их. С помощью профессора Флитвика он усовершенствовал это заклинание, больше не желая упрямо учиться всему самостоятельно, а прося помощи, если она понадобится.

Если щит не работает, в его голове пронеслись возможные планы действий, особенно если Полумна окажется неуспешной. Хотя он и обдумывал возможные варианты развития событий, но не игнорировал свою интуицию и в кои-то веки сохранял позитивный настрой.

Все время поддерживая темп Полумны, они постепенно приближались.

"Протега Максима", - пробормотал Гарри, и в его словах прозвучало намерение, когда их окружил светящийся куполообразный щит.

С оглушительным порывом ветра и скрипом дерева несколько раскачивающихся ветвей вдруг молниеносно устремились к ним.

От сильного удара он попятился назад, но щит выдержал, и он перестроился на новый лад, намереваясь держать щит наготове. Хотя он не был уверен, что деревья способны чувствовать эмоции, каждый удар, обрушивавшийся на его щит, казался отчаянным и продиктованным гневом.

Продвигаясь вперед, он думал, что еще немного, и он получит веткой по кишкам, но, несмотря на ее усилия, Гарри отбивал их с удесытеренной силой.

Чем ближе они подходили к стволу, тем сложнее ей было атаковать. Ее ветви были очень длинными, и лишь немногие из них могли попасть в цель с близкого расстояния, но даже если она пыталась, то одна или две все равно попадали, хотя ствол, казалось, вибрировал.

Его рука дрожала от усилий, которые он прилагал, чтобы удержать щит и противостоять силе, и один особенно жестокий удар пришелся по стволу, больно ударив по нему. Однако щит все еще стоял над ними обоими. Он не разговаривал с Полумной, не желая нарушать их концентрацию, посвятив себя защите.

Если бы не опасный момент, Полумна не преминула бы восхититься магией Гарри, превратившейся в нечто потустороннее. Сильные, смелые чувства и просто присутствие рядом с ним придавали ей смелости, словно она могла попробовать и преуспеть во всем.

Заметив, как напрягся Гарри, Полумна положила тёплую, нежную ладонь на шершавую кору, вложив в это прикосновение всю свою заботу и ещё раз попросив о помощи.

"Поможешь ли ты прекратить ее боль?"

С Нежным шепотом в одной руке магия текла своим чередом. Ствол неоднократно пытался уклониться от нее, яростно раскачиваясь, когда деформированные ветви ударялись о землю.

Один из таких ударов оказался успешным, но сила удара нарушила равновесие, и Гарри

потерял опору.Теперь он сидел, а не стоял, не решаясь изменить положение, но ни на секунду не теряя ориентации.

Постепенно ива затихла, приходя в состояние покоя.

Из корней вырвалась тьма, ее запах стал пьяняще сладким, а затем его унес слабый ветерок.Вместе с этим раздался пронзительный вопль, и Гарри вздрогнул от этого звука, похожего на крик баньши, но не опустил щит, пока они не оказались на расстоянии вытянутой руки.

"Ей больше не больно, - пробормотала Полумна, с ужасом прижимая ладонь к стволу.Под ее прикосновением он начал разглаживаться.

Поднявшись на ноги, Гарри осторожно опустил щитовые чары и встал рядом с Полумной, чтобы успеть заметить превращение.

На месте темноты появился слабый серебристый контур.С каждой секундой он становился всё ярче, и Гарри закрыл глаза, чтобы защитить их от интенсивного света, и открыл их, когда веки его глаз потемнели.Как только он ушёл, ива обрела свою истинную форму.

Сохранив высоту и изящество, заменяющие объём, ветви были уже не деформированными, а стройными.На них появились листья с оранжевыми и золотыми крапинками, которые мягко колыхались на ветру.Из заметных изменений можно было отметить отсутствие входа в хижину, и, соответственно, не на что было надавить, чтобы войти.Он подумал, не исчезла ли хижина вместе с самой коррупцией.

Он вспомнил некоторые слова Нихри, которые прозвучали не так уж давно, но с учетом времени, проведенного в комнатах с разным течением времени, казалось, что прошли месяцы.По их словам, Уиллоу была еще одним пропуском в мир фейри, что подтвердили и девушки, но даже в этом случае он не был уверен, как использовать это знание.

Ее глаза слегка затуманились, но она улыбнулась."Спасибо, Гарри".

Он легонько сжал ее плечо, и она ответила ему тем же."Рад, что смог помочь.Все будут удивлены, но я буду рад оставить это как тайну, ответ на которую знаем только мы.Звучит неплохо?"

Хихикнув в ответ на заговорщицкую ухмылку Гарри, она тихонько кивнула головой. Не успели они произнести и слова, как увидели вдалеке что-то, стремительно приближающееся. Гарри уже собирался поднять палочку, чтобы защититься, но тут до него дошло, что это Патронус.

"Поттер, мой кабинет".

Гарри позабавило то, что лань доставила сообщение, да еще и таким голосом, или то, что его Патронусом была именно она, а не Змея, но он проигнорировал это, задаваясь вопросом, что же он сделал, чтобы разозлить его на этот раз. Если только это не было связано с Волдемортом? Они ведь договорились об этом в начале недели.

"Я лучше пойду, увидимся позже, Луна!" Хотя Гарри и жалел, что ушел так внезапно, он знал, что не стоит заставлять его ждать. Его терпение простиралось так далеко.

В душе Полумны вспыхнула радость, когда она смотрела вслед уходящему Гарри. Спустя столько лет она действительно могла помочь! Без Брио она бы никогда не смогла этого сделать, и почему-то ей казалось, что она знает, как увидеть его отсюда. Почувствовав непреодолимое желание сделать это, она мысленно пожелала Гарри удачи, а сама стала общаться с Уиллоу.

Северус, обычно сосредоточенный, двигался на автопилоте и, даже вернувшись в свой кабинет, едва мог осмыслить только что увиденное и услышанное.

Он знал о ритуале возрождения. Это была одна из самых темных магий, известных волшебникам, которая искажала тела смертных до неузнаваемости, и, насколько ему было известно, не существовало способа обратить последствия. Хотя изменение внешности Темного Лорда и шокировало, но не это было главным испытанием для его многолетней выдержки, тренируемой в качестве шпиона.

Он хотел поговорить с Поттером, а не убить его. В отличие от Дамблдора, намерения Темного Лорда были ясны. Он хотел абсолютного господства над массами и уничтожал тех, кто вставал на его пути. Однако безумный блеск исчез, и на его месте появился холодный, спокойный и собранный стратег. У Северуса возникло ощущение, что это Том Риддл, человек, задолго до того разорвавший семью на части.

Поттер был учеником, но, тем не менее, равным. Он приведет его к Темному Лорду, и если тот пожелает остаться с ним наедине, Северус уйдет. Он мог держать себя в руках, и был уверен в этом как никогда, поскольку, не участвуя в сплетнях сотрудников, он все же слышал их. Понимая, что лучше не заставлять его ждать, он послал своего Патронуса. Надежды не было, Поттер должен быть готов к этому.

Идеально или нет, но Гарри побежал обратно, сохраняя ровный темп. Интуиция снова дала о себе знать, подсказывая, что, что бы ни сказал профессор Снейп, это важно.

Оказавшись на улице, Гарри постучал, вошел с вызовом и закрыл за собой дверь. Там его ждал профессор Снейп, выглядевший так же, как и всегда, только с оттенком смертельной серьезности.

Но потом он как-то странно посмотрел на него.

"Сэр?"

И тут он понял. Застыв, он закрыл глаза.

На нем все еще была цветочная корона.

Он пришел в кабинет профессора Снейпа в цветочной короне.

Он не понимал, как корона умудрилась остаться на его голове после всего этого. Сильно покраснев, он снял ее. "Простите, сэр, я забыл, что она на мне".

К счастью, он не стал комментировать это дальше. Скорее, он сообщил Гарри нечто неожиданное. "Темный Лорд желает поговорить с тобой".

Гарри моргнул. Один раз. Дважды. Но в голове ничего не прояснилось. "Поговорить? Как разговор? Без палочек?"

С трудом сдержавшись, он сдержал язвительный ответ. "Да. Я отведу вас в необозначенное место. Это не его обычное место жительства". Он усмехнулся. "Дамблдор - дурак, если думает, что Риддл-Мэнор - единственное место".

Но поговорить? Гарри все еще не мог осознать этого, и хотя он знал, что слова профессора Снейпа не были ложью, он никогда не хотел говорить. Он всегда пытался убить его и никогда не задавал вопросов.

Гарри согласился. Если Дамблдор всерьез полагал, что Волдеморт не сможет найти ничего другого, кроме поместья, то он был опасно оптимистичен. Но тут ему пришла в голову мысль, что если бы профессор Снейп не напомнил Гарри о цветочной короне, то он бы отправился на встречу с Волдемортом именно в ней.

При этой мысли он покраснел. Осознав, что до сих пор не ответил, Гарри поспешно сделал это и, даже разговаривая, проверил и перепроверил, легко ли достаются его палочки. "Я готов".

Окинув профессора серьёзным взглядом, он резко кивнул и стремительно вышел из кабинета, причём Гарри с некоторым усилием удалось повторить его шаг. За цветочным венцом он вернется позже, и, появившись в нем перед Волдемортом, подпишет себе смертный приговор.

Каждый раз до этого, когда он сталкивался с Волдемортом, его охватывал страх. Не перед Волдемортом, а перед неудачей. Он действовал на одних лишь инстинктах и адреналине, обладая выборочным талантом в нескольких областях. Его атаки были предсказуемы, а фирменным заклинанием был Экспеллиармус, но теперь он изменил свои методы. Если бы не его палочка, ставшая ему братом, Гарри не сомневался, что умер бы той ночью.

Но теперь все изменилось. Хотя он не мог сказать, что сравнится с Волдемортом по опыту, он мог, по крайней мере, дать ему фору.

К счастью, по дороге они ни с кем не столкнулись и без особых проблем добрались до ворот Хогвартса. В этот момент профессор Снейп прошептал ему.

"Аластор Муди здесь". Остановившись, Гарри почувствовал, с каким презрением тот произносит имя этого мрачного аврора.

Повернувшись, он сфокусировал взгляд на определённой области, и через мгновение Гарри увидел небольшое отклонение слева. Почувствовав их взгляд, он раскрыл себя. Маскировочная магия исчезла, его лицо гротескно исказилось, и он направился к ним полудеревянной походкой. Голубой глаз, вращающийся в своей глазнице, сразу же сфокусировался на профессоре Снейпе.

"Идёшь к своему хозяину, жалкий подонок Пожиратель смерти". Не давая ему возможности ответить, он бросил на Гарри враждебный взгляд. "А его последний новобранец? Я должен убить вас обоих прямо сейчас".

Серьезно? Гарри знал, что Муди - параноик, но это было уже слишком. Пока его взгляд оставался прикованным к нему, у него начал формироваться план. Хотя осуществить его будет нелегко, он надеялся, что профессор Снейп поймет и подыграет ему.

"Конечно, нет, у меня есть корректирующие зелья. Мы отправимся за пределы школы, чтобы найти и собрать ингредиенты для зелья Перегрина. Профессор Снейп показывает мне, как правильно это делать, потому что эффективность зелий пропорциональна качеству ингредиентов".

Муди все еще недоверчиво смотрел между ними. "В воскресенье?"

Профессор Снейп плавно перешел к делу. "Как бы мне ни не хотелось тратить драгоценные часы на обучение этого тупицы, ни расписание Поттера, ни мое не позволят провести занятие в будний день".

Гарри сомневался, что Муди знал, что он получил двойку по Зельям, но все же. Это было первое, что пришло ему в голову.

При его тонком воздействии на разум Гарри первым делом решил отгородиться от него, но, поскольку он должен был быть несведущим подростком, позволил ему войти. Вместо этого он вызвал воспоминания, основанные на правде. В то время как большинство из них были бы удовлетворены, он оставался дольше, чем нужно, тщательно проверяя каждое воспоминание. Как только Гарри подумал, что его истинные мысли могут выплеснуться наружу, он ушёл.

В соответствии со своим именем он всегда выглядел угрюмым, но его недовольство тем, что он не может ничего сделать, чтобы остановить их, не имея никаких реальных доказательств, доставляло Гарри огромное удовольствие.

Ворча про себя, он пошел прочь. Неужели этому человеку было скучно, и он решил преследовать их? Министерство не могло дать ему много работы, если у него хватало времени на такое.

Не удержавшись, Гарри сделал жест двумя пальцами в сторону удаляющегося Муди. Он знал, что его не поймали, так как аврор не оставил бы это без внимания.

Северус приподнял бровь. Скептически отнесясь к воспоминаниям Поттера на уроках

окклюменции, когда он увидел Слизерин в качестве первого выбора Сортировочной шляпы, он начал понимать, почему. Безумный Глаз не сканировал его сознание, скорее всего, зная, что сможет успешно отвлечь его внимание или просто дать достаточно информации, чтобы в нее можно было поверить. Поттер попробовал, но, поскольку возмущения не последовало, он решил, что его ментальная защита удалась.

Он знал, что его метод обучения Окклюменции не поможет никому, тем более Поттеру. Дамблдор просил его быть суровым, поскольку "мальчику нужно столкнуться с трудностями этого мира". И хотя часть Северуса сомневалась в бессмысленности этой затеи, большая часть радовалась возможности отомстить Джеймсу Поттеру через его сына. На самом деле, используя слова Дамблдора как оправдание, он причинил еще больше вреда. Но теперь линия на песке была проведена.

Когда все закончилось, можно было продолжать. За воротами Хогвартса профессор повернулся к нему лицом. "Хотя я знаю, что вы можете аппарировать, метка - единственное указание на то, где находится Темный Лорд".

"Постойте, откуда вы знаете, что я могу перемещаться? Сэр, - добавил он в конце, просто чтобы убедиться. Лишь немногие люди знали, что он умеет это делать.

Ухмыльнувшись, он приподнял одну бровь. "Хотя у меня были подозрения, вы их подтвердили".

Глупые чертовы Слизеринцы. Ворча про себя, он кивнул.

"Будьте уверены, Поттер, никаких задержаний или баллов не будет. Любое преимущество предпочтительнее, чем его отсутствие".

И в этот момент он говорил не как профессор, а как человек, который слишком хорошо понимал, насколько это важно. Решив, что не хочет испытывать терпение Волдеморта и дальше, Гарри положил руку на его руку, и пара исчезла со слабым хлопком.

После Риддл-Мэнора Гарри ожидал увидеть нечто подобное, но, к его удивлению, это был самый обычный дом. Не поместье, а просто большой, отдельно стоящий и изолированный дом. Кроме дикой природы, здесь не было ни садовых украшений, ни чего-либо причудливого - просто здание, соответствующее потребностям и уж точно не вызывающее подозрений.

С точки зрения планирования это было идеально. Дамблдору никогда бы не пришло в голову

заглянуть сюда. Либо где-то нелепо раскошелится, чтобы продемонстрировать свою власть, либо был под надежной защитой. Гарри не сомневался, что защита была, но она не была очевидной.

Когда они приблизились, дверь, как и в кабинете Дамблдора, открылась. В каком-то смысле интерьер напомнил ему вторую спальню Дадли. Скучная обстановка, но достаточно мебели, чтобы сделать ее пригодной для жизни. С той лишь разницей, что здесь не было темно и тоскливо, а лишь тускло горел свет с наступлением сумерек.

Чего здесь было предостаточно, так это книжных полок. Внутри комнат, которые он мог видеть с открытыми или приоткрытыми дверями, стояли книжные полки - должно быть, чары расширения приложили к этому руку.

Он не знал, чего ожидать, и, хотя был благодарен профессору Снейпу за предупреждение, ослаблять бдительность было бы неразумно.

Дверь в комнату, расположенную в самом конце, была открыта. Заглянув внутрь, вы увидели, что она украшена больше, чем все остальные, и выглядит как кабинет и гостиная.

За потемневшим дубовым столом, аккуратно сложенным в стопку, сидел человек, совсем не похожий на того Волдеморта, которого знал Гарри, склонив голову над бумагами, а его перо плавно перетекало на пергамент.

Не поднимая глаз от своей работы, он произнес: "Северус, оставь нас".

Даже в этих нескольких словах Гарри уже почувствовал разницу. Безумие, сквозившее в его тоне, исчезло, сменившись спокойным контролем.

Склонив голову в сторону собеседника, Северус быстро удалился, зная, что Поттер может аппарировать обратно, если Тёмный Лорд не призовет его вернуться.

Стоя в дверях, Гарри стоял в тупике, не зная, что делать. Он не предполагал, что может сесть без приглашения, но чувствовал себя идиотом, просто стоя на месте.

Закончив, Волдеморт положил перо в чернильницу и поднял голову. Как только он посмотрел на Гарри, в его глазах мелькнуло удивление. Это был не худенький слабак под началом

Дамблдора, а здоровый, сильный волшебник, глаза которого сияли уверенностью, а не глупостью, внушенной старым дураком.

Волдеморт чувствовал, что Поттер пытается скрыть свою силу с помощью очередных чар или заклинаний, потому что сам когда-то поступил так же. Даже сейчас он сомневался, что Дамблдор знает, насколько это возможно.

Слизерин никогда не выдавал своих секретов и даже до этого тактически экономил силы. Перед ним стоял не невежественный мальчишка, которому больше повезло, чем хватило ума, а человек, у которого была цель. Тот, в ком Волдеморт мог увидеть себя. У обеих марионеток Дамблдора было тёмное прошлое, и всё же пути их резко расходились.

Не только Волдеморт был удивлен. Гарри, в свою очередь, потерял дар речи. Кто еще изменился за лето? Он гадал, не был ли проведен какой-то ритуал по восстановлению его внешности, и, подняв голову, увидел скорее Тома Риддла, чем Волдеморта. К нему вернулась внешность, на которую западали многие студенты, только глаза светились кроваво-красным. Он не знал, что послужило причиной такой перемены, как во внешности, так и в действиях, но она определенно застала его врасплох.

"Садитесь".

Изящным жестом руки он указал на кресло напротив стола, и через мгновение Гарри так и сделал. Он сохранял нейтралитет, не отводя взгляда ни на секунду.

Глаза Волдеморта сузились. "Ты знаешь о моих крестражах".

Гарри не знал, для чего его сюда вызвали, но даже в этом случае не ожидал, что он сразу перейдет к делу. Он знал, что Гарри знает о них, иначе он бы спросил, а не заявил. Он не хотел ставить под угрозу эту сюрреалистическую ситуацию, несмотря на свои подозрения о скрытых мотивах.

Гарри кивнул. "Да".

"А что с ними?" - спросил он почти непринуждённо, если бы не опасный блеск в его глазах.

Гарри задумался, насколько много ему следует или не следует рассказывать, но решил

остановиться на главном. Это будет правдой, но не все детали.

"Я знаю, что был одним, а твой Дневник - другим".

Волдеморт слегка напрягся. Его магия всколыхнулась, словно спокойные воды начали бурлить.

"Поттер. Объясни."

Гарри сделал это, чувствуя себя так, словно находился перед бомбой замедленного действия. "Люциус Малfoy подсыпал твой Дневник в котел Джинни Уизли..."

"Не это!" нетерпеливо оборвал он. "В тебе поселилась часть моей души?"

Гарри был так удивлен этим, что его бдительность упала. "Подождите, вы не знали?"

"Конечно, я не знал, Поттер! С какой стати мне делать тебя таковым?" - огрызнулся он.

Гарри понял, что он прав: были и другие, более подходящие вещи. "Когда ты пытался убить меня и проклятие сработало, тогда это и случилось. Поэтому я тоже видел видения, но больше их не было. Что-то произошло, и крестраж не ушел полностью, но какой-то черный туман оставил мой шрам".

Он ничего не сказал о Танатосе и воспоминаниях. Даже если бы он не превратился в заклинателя, Гарри не раскрыл всех своих карт. Кроме крестражей, Гарри не знал, позвали ли его сюда по другой причине.

Волдеморт не спрашивал о Дневнике, зная большую часть произошедшего, и даже без вопросов предполагал, что крестраж внутри сделал нечто подобное. Даже магия не могла объяснить столь внезапное изменение внешности. Туман, о котором говорил Поттер, несомненно, был причиной его изменений. Раздражение не давало ему повода выплеснуть свой гнев на Поттера, когда он ни в чем не виноват. Да и его крестражи остались нетронутыми. Измененными, но нетронутыми. У него были ответы на эти вопросы, и он подозревал, что Поттер знает о них. Эта мысль не встревожила его так сильно, как он думал, но он не знал, почему. Он мог легко отказаться от следующего требования и, в отличие от прошлого, не стал бы прибегать к Круцио для его выполнения.

"Сними все, что скрывает твою силу".

Гарри вздрогнул от неожиданности, но постарался не показать этого. Дамблдор и Волдеморт были похожи друг на друга в плане манипуляций, но Гарри не тратил времени на слова.

Если бы Дамблдор знал, что Гарри скрывает свою силу, вряд ли он стал бы сидеть сложа руки. Так как же Волдеморт узнал?

Он подумал, не отказаться ли ему, хотя это не принесло бы ничего, кроме гнева этого человека. Он не стыдился своей силы, гордился тем, каким сильным он стал. Но скрывать ее было необходимо, так как он не ожидал, что Дамблдор снова попытается заблокировать его магию.

В каком-то смысле это выглядело так, словно он испытывал его. Волдеморт, зная о своей истинной силе, был менее опасен, чем Дамблдор, который уже знал о ней и принял меры против неё. В то время как Волдеморт убил его родителей и заварил эту кашу, Дамблдор лишь усугубил и затянул ее.

Сдержав вздох, он выполнил просьбу и достал палочку с пером Феникса. "Magicae Revelare".

С момента прибытия в Хогвартс он ни разу не снимал это заклинание, а поскольку оно использовало магию воздуха и не затрагивало его сущность, то все было в порядке. Хотя заклинание должно было скрывать его от всех, кроме него самого, Алистер определенно сможет его почувствовать. У него уже было с собой по крайней мере несколько штук, которые помогли ему снять один из многочисленных магических блоков.

С ним он не чувствовал никакой разницы, но Волдеморт расчетливо смотрел на него. "Что это? Когда ты в последний раз встречался со мной, твое магическое ядро было на нуле".

Язвительный ответ был на кончике его языка, но Гарри сдержался. Ему нравилось, когда его тело было в целости и сохранности. "На меня наложил блоки Дамблдор".

При упоминании Дамблдора выражение лица Волдорфа запылало лютой ненавистью, которая отражала внутреннее состояние Гарри.

Он сделал паузу и заговорил снова, голос был опасно низким. "...Блоки?" - отметил он, как

Гарри произносит слова.

"Семь".Мне удалось снять их за лето".

Хотя Гарри был спокоен, говоря об этом, он не был готов к реакции Волдеморта.

Смертоносная магия распространилась по комнате, формируя ярость Волдеморта.Как и его собственная, она была тихой и спокойной, но в ней чувствовался некий яд, от которого хотелось сжать горло.

"Семь?!" - зашипел он, с силой хлопнув руками по столу, и вперил в Гарри свирепый взгляд - тот самый, который он предназначал для нынешнего Хогвартса."Вот дурак!Он обращается с магией, как будто это пустяк!"

Злился ли Волдеморт за него?Конечно, нет, это не имело никакого смысла.

Он нерешительно ответил."Я думал, ты увидишь в этом что-то хорошее".

Откинувшись на спинку кресла, магия, пронизывающая воздух, медленно уходила, и Гарри больше не чувствовал, что задыхается.

Раньше Волдеморт согласился бы с этим, по крайней мере до некоторой степени.Однако, несмотря на то что он был Темным Лордом, он никогда не прикасался к магическому ядру волшебника или ведьмы.Магия была даром, и он потратил много лет, изучая все ее виды, даже те, которые не мог использовать.

Без магии он был бы мертв или находился в гораздо худшем положении, чем сейчас.Нет. Пытая и убивая, он без колебаний получал желаемое, но магическое ядро оставлял в покое.Однако в последнее время пытки и убийства не казались столь привлекательными, разве что для Дамблдора.

Он знал, какой вред могут нанести блоки.Он сам видел это, и если бы ему было интересно посмотреть, состояние Поттера стало бы очевидным.Один блок был опасен для жизни, но семь?Дамблдор утверждал, что Поттер - золотой мальчик, которому суждено победить его, но у него был идиотский способ показать это.

Если ему что-то и нравилось, так это вызов. Недокормленный и неподготовленный Поттер не был вызовом. Если он считал, что сила любви - это ключ к разгадке, потому что он не способен испытывать подобные эмоции, он поклялся проникнуть в школу и избить его до полусмерти.

Ожидая ответа, Гарри почувствовал себя немного расслабленным. Он никогда не думал, что наступит день, когда он будет думать так в присутствии Волдеморта, особенно после всего, что произошло, но тот факт, что они знали друг друга много лет и только сейчас впервые заговорили вне открытой вражды, показался ему странным.

Волдеморт резко покачал головой. "До этого момента - да. Но ты не годишься в качестве магического калеки".

Гарри молча слушал, все происходящее доходило до его сознания, но еще не успело оформиться. Несомненно, это произойдет, как только он уйдет.

"Дамблдор сделал из нас обоих марионеток, но ты оборвал нити. Он в центре моего внимания, поэтому я оставляю тебя в покое".

Гарри не мог поверить в то, что слышит. "...Как перемирие? Вы не хотите, чтобы я присоединился к вам?"

Волдеморт не мог отрицать, что союзник в лице Поттера доставит ему массу удовольствия, если представить себе лицо Дамблдора, но нет.

Он уже был втянут в войну между взрослыми. Теперь он был в центре внимания.

"Нет, я не хочу, чтобы ты присоединялся ко мне. Я требую абсолютной преданности своему делу, которой у тебя нет. И да."

Каждое рукопожатие было в какой-то мере значимым, и это не стало исключением. Когда Гарри протянул руку для рукопожатия, Волдеморт долго смотрел на неё.

И только когда Гарри подумал, что он откажется, Волдеморт протянул руку, холодная ладонь коротко коснулась руки Гарри.

Этот человек убил его родителей. Гарри никогда не забудет этого, как не забудет и того, на что обрекла его эта жизнь, но одним человеком меньше, не жаждущим его крови, - это была возможность, которой он не преминул воспользоваться.

Хотя он сомневался, что когда-нибудь встретится с ним глазами, это означало, что теперь его беспокоит только Дамблдор. И с этим перемирием крестражи больше не вызывали беспокойства. Из всех результатов, которых он ожидал, этого не было.

Как только Волдеморт отстранил его, Гарри ушёл. К счастью, дом был не настолько велик, чтобы в нем заблудиться, и довольно скоро он нашел входную дверь, открыв и закрыв ее за собой.

Небо уже окрасилось оранжевым светом, вокруг простирались поля. Отойдя на достаточное расстояние, он сел прямо на траву, ошеломленный.

Он только что пожал руку Волдеморту. Самым страшным Темным Лордом со времен Гриндельвальда. Даже по его меркам это было шокирующе. Что? Он опустил на траву.

Гарри не знал, сколько времени он пролежал так, погружившись в раздумья, пока его не вывел из них знакомый голос. Небо еще больше потемнело, по нему поползли тени.

Гарри?

Он подскочил. 'Ты в порядке?'

Да? Нет? Может быть? Я только что пожал руку Волдеморту, и теперь у нас перемирие. Как я себя чувствую после этого? Что я скажу?

Намек на неверие. Понятно. Вот почему ваши эмоции никак не могут сойтись на одном цвете. Что касается ваших слов... могу я попросить вас повторить их?

Если бы он сам не был в шоке, то мог бы радоваться, что ему удалось застать Алистера врасплох, но он объяснил ситуацию, как мог.

Одну минуту, Гарри, я скоро буду с тобой".

Не успел он додумать смысл этих слов, как перед ним появился Алистер. Конечно, неизвестное местоположение не относится к вампиру, не говоря уже об их общей связи.

Вместо того чтобы усаживать Гарри, Алистер присоединился к нему и лег на траву рядом с ним, пока они оба любовались закатом.

Алистер нарушил уютную тишину, тихо произнес свои мысли. "Это прекрасно. Иногда мы так заикливаемся на собственной жизни, что не можем оценить то, что было всегда".

Гарри не мог не согласиться. По-прежнему глядя на небо, он не успел обдумать свои слова, как они были произнесены. "Эти оранжевые закаты напоминают мне о твоих глазах".

"Тебе нравятся мои глаза, Гарри?" - поддразнил он.

Затерявшись в небесах над головой, он ответил честно. "Да, они мне очень нравятся".

Осознав, в чем он признался, Алистер тихонько рассмеялся, что вызвало у него обычные эмоции. "Твои глаза так же прекрасны. Изумруды, которые ищут многие, но такой искрящейся глубиной и ясностью обладаешь только ты".

Сердце Гарри согрелось от этого комплимента, и он был поражен прикосновением чьей-то руки к своей.

Он опустил взгляд и увидел, что рука Алистера лежит поверх его, и по его руке пробежало слабое тепло, которое приятно покалывало.

Приятное ощущение угасло, распространившись по всей руке.

С замиранием сердца гриффиндорец Гарри проявил храбрость и, сделав смелый, по крайней мере, по его меркам, шаг, изменил положение своей руки так, что их пальцы оказались свободно сцепленными.

Не имея ни малейшего представления о том, что заставило его так поступить, странная естественность взяла верх над смущением. Вдали от своего обычного состояния он совсем не чувствовал себя неловко.

В ответ Гарри нежно сжал его руку, но так и не понял, в чём именно заключалась суть их отношений. Он не стал спрашивать, боясь непоправимо испортить их, и просто наслаждался моментом.

Так продолжалось некоторое время, вплоть до их неизбежного возвращения в Хогвартс.

<http://erolate.com/book/4405/158972>